

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Флинн Патрик О'Флинн по роду занятий был браконьером, охотником за слоновой костью и без ложной скромности сам признавал, что на восточном побережье Африки равных ему в этом деле нет.

Рашид Эль Кеб был поставщиком драгоценных камней и женщин в гаремы и именитые дома Аравии и Индии, а также незаконно добытой слоновой кости. В этом он признавался только тем из своих клиентов, которым доверял, для всех остальных он был всего лишь богатым и уважаемым владельцем кораблей местного берегового судоходства.

В один прекрасный день сезона дождей 1912 года Флинн и Рашид сидели в дальней комнатке расположенного в арабском квартале города Занзибар магазина самого Эль Кеба и пили чай из крохотных медных чашечек — вместе их свел здесь взаимный интерес к слонам и прочей толстокожей живности. От горячего чая Флинн О'Флинн вспотел сильнее, чем обычно. В комнате было настолько влажно и душно, что низкий потолок комнаты был усеян осоловевшими от жары мухами.

— Послушай, Кебби, ты одолжил мне всего одну свою вонючую посудину, причем такую маленькую, что, если я нагрузу ее бивнями до самого верха, она у нас с тобой потонет к чертовой матери.

— Э! — осторожно заметил в ответ Кеб, продолжая обмахивать обрамленное клочковатой козлиной бородкой лицо пальмовым листом вместо веера. Голову он при этом недоверчиво склонил в сторону и поэтому немного смахивал на настороженного попугая.

— Ты мне прямо скажи, я хоть раз в жизни тебя подводил? — напористо задал решительный вопрос Флинн, и капля пота упала с кончика его носа на его и без того уже влажную рубашку.

— Э! — повторил Эль Кеб.

— Ведь это шикарный план. В нем есть даже что-то гениальное. Этот план... — Флинн помолчал, пытаясь найти подходящее прилагательное. — В нем даже есть что-то наполеоновское. Или даже цезарианское!

— Э! — снова отозвался Эль Кеб.

Он опять наполнил свою чашечку. И прежде чем продолжить, осторожно, зажав между большим и указательным пальцами, поднял ее, поднес к губам и отхлебнул.

— Но разве так уж необходимо рисковать тем, что мое шестидесятифунтовое судно стоимостью... — он благоразумно решил несколько увеличить цифру, — в две тысячи английских фунтов будет полностью уничтожено?

— Не забудь, что ты почти наверняка получишь за этот груз двадцать тысяч, — быстро вставил Флинн.

Эль Кеб одарил его едва заметной, почти сонной улыбкой.

— Неужели ты рассчитываешь на такую высокую прибыль? — спросил он.

— Это еще самая низкая цифра. Да боже мой, Кеб-би! Вот уже двадцать лет, как в бассейне Руфиджи не было сделано ни одного выстрела. Черт побери, ты же прекрасно знаешь, здесь расположен личный охотничий заповедник самого кайзера! Здесь так много круп-

ных слонов, что мне ничего не стоит окружить стадо и загнать его туда, куда мне надо, как каких-нибудь глупых овец.

Указательный палец на правой руке Флинна невольно согнулся крючком и задрожал, словно он уже готов был нажать на курок винтовки.

— Бред, — прошептал Эль Кеб, золотозубой усмешкой смягчая жесткую линию своих губ. — Тебе придется со стороны моря заплыть в устье Руфиджи, поднять на каком-нибудь острове в дельте британский флаг и нагрузить судно немецкой слоновой костью. Бред.

— Между прочим, формально немцы не присоединили ни одного из этих островов. Я могу смотаться туда и назад до того, как Берлин успеет послать первую телеграмму в Лондон. У меня десять стрелков, и за две недели судно будет полнехонько.

— Через неделю у немцев там будет канонерка с пушками. В Дар-эс-Саламе у них под парами уже стоит «Блюхер», тяжелый крейсер с пушками девятидюймового калибра.

— Мы будем под защитой британского флага. Они не осмелятся нас тронуть ни в открытом море, да и вообще нигде, судя по тому, как сейчас обстоят дела между Англией и Германией.

— Мистер О'Флинн, у меня есть основания считать вас гражданином Соединенных Штатов Америки.

— И здесь ты прав, черт побери! — Флинн горделиво выпрямился.

— Тебе понадобится британский капитан, — задумчиво поглаживая бороду, проговорил Эль Кеб.

— Господи, Кебби, неужели ты думаешь, что я настолько дурак, чтобы самому править этим корытом? — с уязвленным видом спросил Флинн. — Уж подыщем для этого кого-нибудь другого, кто и обратно кораблик выведет под носом у всех военных кораблей кайзеровской Германии. А что касается меня, я притопаю

туда пешком, в португальском Мозамбике у меня базовый лагерь, а потом опять же пешком вернусь обратно.

— Ну ладно, прости, — снова улыбнулся Эль Кеб. — Я тебя недооценил.

Он проворно встал. Великолепие большого, украшенного драгоценными камнями кинжала у него на поясе немного портил белый, давно не стиранный балахон до щиколоток.

— Мистер О'Флинн, кажется, у меня есть подходящий человек, способный стать капитаном вашего судна. Но прежде всего необходимо немного подправить его финансовые обстоятельства, чтобы он сам захотел поступить к нам на службу.

2

Кожаный кошель с золотыми соверенами был той опорой, которая придавала некоторую устойчивость беспокойной жизни Себастьяна Олдсмита. Кошель этот подарил ему отец, когда Себастьян объявил семейству о своем намерении отправиться в Австралию и там сделать себе состояние на торговле шерстью. Он придавал ему бодрости и уверенности в себе все время путешествия из Ливерпуля к мысу Доброй Надежды, где капитан корабля, особенно не церемонясь, высадил его после того, как Себастьян непозволительно напористо для своего положения приударил за дочкой джентльмена, который плыл в Сидней, чтобы занять пост губернатора Нового Южного Уэльса.

Благодаря полосе преследовавших его неудач количество оставшихся у Себастьяна соверенов постепенно таяло, но все вдруг закончилось в Занзибаре, когда он проснулся после лихорадочно-наркотического сна в какой-то грязной комнате и обнаружил, что кожаный кошель вместе с его содержимым бесследно

исчез, а вместе с ним исчезли и рекомендательные письма отца кое-каким известным торговцам шерстью в Сиднее.

Себастьян сидел на краешке кровати, ломая голову, кому могли понадобиться эти не представляющие реальной ценности в Занзибаре письма, и в полном замешательстве припоминая события, цепь которых завела его так далеко в сторону от взятого им изначально курса. Наморщив лоб, он сделал над собой усилие, чтобы подумать об этом как следует. Лоб у него был высокий, что говорило о том, что принадлежит этот лоб, увенчанный великолепной копной лоснящихся черных кудрей, человеку неглупому, даже несколько философского склада; под ним светились темно-карие глаза, далее шел умеренно длинный прямой нос, ниже — чувственные губы и твердый подбородок. В свои неполные двадцать два года своим обликом Себастьян был похож скорее на юного преподавателя Оксфорда, что, впрочем, доказывает, какой обманчивой бывает иногда внешность. Люди, которые хорошо его знали, были бы изрядно удивлены тем, что, отправляясь в Австралию, Себастьян оказался не ближе к ней, чем Занзибар.

Прекратив заниматься умственной гимнастикой, от которой у него слегка разболелась голова, Себастьян встал со своего ложа и, хлопая по икрам подолом ночной рубашки, произвел трехминутное обследование гостиничного номера. Когда накануне вечером он отправлялся ко сну, кошель с деньгами был у него под матрасом, тем не менее Себастьян для начала опорожнил кувшин с водой и с надеждой заглянул внутрь. Потом распаковал саквояж и перетряхнул в нем все рубашки. Залез под кровать, приподнял циновку из кокосового волокна, прощупал в прогнившем полу каждую дырку и только потом дал волю охватившему его отчаянию. Побрившись, смазав слюной клопные укусы на лице, надев серый костюм-тройку, на котором виднелись яв-

ные следы испытанных им дорожных неудобств, Себастьян почистил щеткой шляпу-котелок, аккуратно водрузил ее поверх шевелюры, в одну руку взял свою трость, саквояж в другую и спустился в жаркий и шумный вестибюль гостиницы «Рояль».

— Послушайте, — с самой жизнерадостной улыбкой, на какую он был сейчас способен, обратился Себастьян к маленькому арабу за стойкой администратора. — Послушайте, мне кажется, я потерял все свои деньги.

В помещении повисла полная тишина. Официанты, спешащие с подносами на веранду, замедлили шаг и остановились, свернув шеи в сторону Себастьяна с одинаковым выражением неприязненного любопытства на лице, словно он во всеуслышание объявил, что с ним случился легкий приступ проказы.

— Думаю, скорей всего, украли, — все так же улыбаясь, продолжил Себастьян. — Вот не везет так не везет, ей-богу.

Мертвая тишина нарушилась, когда распахнулся занавес из нитей бус, закрывающий офис, и в помещение с громким криком ворвался хозяин-индус.

— Мистер Олдсмит, а как же насчет оплаты?! — возопил он.

— Ах, оплаты... Ну да, ну да, вы только не волнуйтесь. Я только хочу сказать, что тут уж сейчас ничего не поделаешь, как вы считаете?

Но хозяин гостиницы и не думал успокаиваться, напротив, он еще больше возбудился. Его негодующие крики, преисполненные страдания, достигли веранды, где около дюжины посетителей уже начали ежедневную битву с жарой и жаждой. Они вскочили со стульев и толпой ввалились в вестибюль, с большим интересом желая узнать, что случилось.

— Вы должны мне за десять дней! Это около сотни рупий!

— Да-да, это очень досадно, я понимаю.

Себастьян продолжал отчаянно улыбаться, как вдруг поднявшийся шум покрыл еще один голос:

— Ну-ка хватит трясти этого парня!

Себастьян с индусом вместе повернулись на голос и увидели крупного, краснолицего мужчину средних лет, который произнес эту фразу со смешанным американским и ирландским акцентом.

— Ведь вас зовут мистер Олдсмит, я не ошибся? — спросил он.

— Да, это так, сэр, — ответил Себастьян, инстинктивно почуяв в нем своего союзника.

— Довольно редкая фамилия. Не родственник ли вы мистеру Фрэнсису Олдсмицу, торговцу шерстью из Ливерпуля, что в Англии? — вежливо задал вопрос Флинн Патрик О'Флинн.

Он уже успел пробежать глазами переданные ему Рашидом Эль Кебом рекомендательные письма Себастьяна.

— Господи! — радостно воскликнул Себастьян. — Вы знаете моего батюшку?

— Знаю ли я Фрэнсиса Олдсмита? — непринужденно рассмеялся Флинн.

Но сразу же спохватился. Еще бы, ведь его знакомство не простиралось далее стандартных шапок рекомендательных писем.

— Скажем так, персонально я с ним, видите ли, не знаком, но, думаю, вполне могу сказать, что кое-что о нем слышал. Ведь когда-то я и сам занимался шерстяным бизнесом.

С добродушным видом Флинн повернулся к хозяину гостиницы, обдавая его волной, в которой вместе с парами джина чувствовалось искреннее дружелюбие.

— Кажется, вы упомянули что-то про сотню рупий.

— Да-да, речь шла именно об этой сумме, — кивнул сразу утихомирившийся хозяин.

— Сейчас мы с мистером Олдсмитом сядем на веранде и выпьем чего-нибудь. Чек можете принести туда.

И Флинн положил на стойку два соверена, из тех самых, которые еще совсем недавно покоились под матрасом Себастьяна.

Водрузив ботинки на низенькую стенку веранды и глядя поверх ободка своего бокала, Себастьян озирает раскинувшийся перед ним залив. Он, вообще-то, был человек непьющий, но перед лицом Флинна, находясь под его покровительством, никак не мог позволить себе проявить неучтивость по отношению к его радушию. Перед его взором количество кораблей в бухте чудесным образом вдруг возросло. Там, где еще секунду назад в узенький пролив входила лишь одна небольшая, коротенькая посуда, теперь в боевом порядке следовало три совершенно одинаковых корабля. Себастьян закрыл один глаз и, сосредоточившись, сократил число кораблей снова до одного. Заметив такой успех, он немного приободрился и перенес внимание на своего нового друга и делового партнера, который влил в него такое огромное количество джина.

— Мистер О'Флинн, — осторожно, слегка заплетаящимся языком проговорил Себастьян.

— Да забудь ты про этого «мистера», Бэсси, зови меня просто Флинном. Я для тебя просто Флинн, это как джин, понял?

— Флинн, — сказал Себастьян, — а нет ли тут чего-то такого... мм... нет ли во всем этом чего-то такого странного?

— Странного? Интересно, что ты хочешь этим сказать, мой мальчик?

— Я хочу сказать... — Себастьян слегка покраснел. — А нет ли в этом деле чего-то противозаконного?

— Бэсси... — Флинн, печально покачивая головой. — За кого ты меня принимаешь, Бэсси? Неужели ты думаешь, мой мальчик, что я какой-нибудь жулик?

— Нет-нет, конечно же нет, Флинн, — торопливо ответил Себастьян, краснея чуточку гуще. — Я просто подумал... в общем... подумал про всех этих слонов, которых мы собираемся убивать. Они ведь должны кому-то принадлежать. Они разве не немецкие слоны?

— Послушай, Бэсси, я хочу кое-что тебе показать. — Флинн поставил стакан, сунул руку в карман своего изрядно выцветшего летнего костюма и достал оттуда конверт. — Прочти-ка вот это, мой мальчик!

На листке дешевой почтовой бумаги сверху стоял адрес: «Кайзерхоф. Берлин», а также дата: «10 июня 1912 года». Ниже шел следующий текст:

Дорогой мистер Флинн О'Флинн!

Меня очень беспокоит то, что слоны в бассейне реки Руфиджи съедают всю траву, валят все деревья и все такое прочее. Поэтому, если у Вас есть время, не отправитесь ли Вы туда и не совершите ли отстрел некоторых из них, потому что они съедают всю траву, валят все деревья и все такое прочее.

Искренне Ваш,

*кайзер Вильгельм III,
император Германии*

В черепе Себастьяна сквозь густой туман, навешанный парами джина, пробился слабенький лучик некоторой тревоги.

— А с чего это вдруг император обратился именно к вам? — наивно спросил он.

— А с того, мой мальчик, что император знает... что я лучший в мире охотник на слонов.

— От императора можно было бы ожидать, что английским он владеет немного лучше, разве не так? — пробормотал Себастьян.

— А что не так с его английским? — задиристо спросил Флинн.

Сочиняя это письмо, ему пришлось изрядно повозиться.

— Я имею в виду предложение, в котором он два раза повторил «съедают всю траву», и так далее.

— Не забывай, мой мальчик, что он немец. А немцы по-английски всегда писали плоховато.

— Ну конечно! Я как-то не подумал об этом, — облегченно произнес Себастьян и поднял стакан. — Ладно, за удачную охоту!

— Вот за это я выпью с удовольствием, — ответил Флинн и осушил свой стакан.

3

Вцепившись обеими руками в край деревянного борта одномачтового суденышка, Себастьян всматривался в океанскую даль, где в десятке миль виднелись неясные очертания африканского берега. Легкий муссон рябил поверхность воды, придавая ей темный, синеватый оттенок, и корабль, встречая носом белые барашки волн, бросал в лицо Себастьяна соленые брызги. Но к чистому запаху океанской соли примешивался тошнотворный душок мангровых болот, — казалось, где-то там вдали издохло огромное животное. Себастьян с отвращением вдыхал этот запах, всматриваясь в зеленую линию низкого берега и пытаясь отыскать взглядом вход в лабиринт дельты реки Руфиджи.

Наморщив лоб, он старался восстановить в памяти навигационную карту английского Адмиралтейства. Река Руфиджи впадала в море дюжиной рукавов, раскинувшихся в стороны на сорок миль, образуя при этом не менее пятидесяти, а может, и целую сотню островов.

Приливная вода поднималась вверх по течению на расстояние до сорока миль, омывая заросли мангровых лесов, за которыми раскинулись заросшие сочными травами болота. Именно там, в этой болотистой местности, стада слонов находили себе приют и защиту от пуль и стрел охотников за слоновой костью. К тому же их защищала огромная, трудно преодолимая территория, а также специальный декрет германского императора.

Капитаном судна был поставлен какой-то головорез с лицом убийцы и душегуба, зычным басом он стал выкрикивать команды, и Себастьян повернулся, чтобы понаблюдать за сложными маневрами неповоротливого суденышка, которое нужно было заставить идти вперед, то и дело меняя галсы. Полуголые, похожие на перезрелые, побуревшие фрукты, матросы бросили такелажные работы и столпились вокруг горизонтального, длиной в шестьдесят футов рангоута, сделанного из тикового дерева. Шлепая голыми подошвами по грязной палубе, они двигали рангоут то в одну, то в другую сторону. Суденышко, скрипя и ворча, как старикашка, страдающий воспалением суставов, устало развернулось по ветру, носом к суше. Это новое движение в сочетании с запахом болота, а также запахом потревоженных трюмных вод, пробудило в глубинах организма Себастьяна некое ответное движение. Он еще крепче вцепился в край борта, на лбу его проступили, словно свежие маленькие волдыри, капли пота. Он наклонился вперед и под подбадривающие крики корабельной команды принес божествам моря очередное жертвоприношение. Себастьян все еще в благоговейном поклоне свешивался через борт, когда суденышко, покачиваясь на волнах, вперевалочку вошло в бурливые воды устья и наконец двинулось по спокойной поверхности самого южного рукава дельты реки Руфиджи.

Через четыре дня Себастьян, скрестив ноги, сидел вместе с капитаном корабля на расстеленном по палубе бухарском ковре. Жестами и знаками оба пытались объяснить друг другу, что ни тот ни другой понятия не имеет, где они оказались. Суденышко бросило якорь в узкой протоке, стиснутой между фантастически перекрученными и исковерканными стволами мангровых деревьев. Ощущение полной растерянности для Себастьяна было не внове, и он принял его со смирением обреченного, но вот капитан корабля, который ходил от Адена до Калькутты и обратно в Занзибар с уверенностью человека, курсирующего от дома до собственного сортира и обратно, не демонстрировал подобного стоицизма. Он поднял взор к небесам и воззвал к Аллаху, чтобы тот вступился за них перед джином, охраняющим свой смердящий лабиринт, джином, что повелевает водам течь такими странными, неестественными путями и по своей прихоти изменяет очертания каждого острова, набросав у них на пути столько илистых мелей. Разгоряченный собственным красно речием, он вскочил, ухватился за борт судна и принялся выкрикивать в сторону погруженных в задумчивую тишину мангровых зарослей слова, в которых звучал уже откровенный вызов ему, да так громко, что в воздух поднялись тучи ибисов, — птицы стали кружить над кораблем в жарком, окутанном дымкой воздухе. А потом капитан метнулся обратно на ковер и пронзил Себастьяна злобным взглядом.

— Вы же знаете, что я тут ни при чем, — сказал Себастьян, смущенно ерзая под этим взглядом.

Он снова достал карту Адмиралтейства, расправил ее по палубе и ткнул пальцем в остров, который Флинн О'Флинн обвел синим карандашом, обозначив место их встречи.

— Я вот хочу сказать... — продолжил Себастьян, — ведь это ваше ремесло, именно вы должны найти это

место. Вы моряк, профессионал в этом деле, разве я не прав?

Капитан яростно сплюнул на собственную палубу, а Себастьян покраснел.

— Если будете злиться, это делу не поможет, только хуже станет. Давайте будем вести себя как люди порядочные.

Но на эти слова капитан харкнул, извлек из глубин горла густую слизь и сплюнул этот желтый комок, метко попав прямо в синий карандашный кружок на карте Себастьяна, потом поднялся на ноги и с гордым видом прошествовал на корму, где, сбившись в кучку под ютовой надстройкой, присев на корточки, расположилась его команда.

Во время недолгих сумерек, когда вокруг головы Себастьяна в легкой дымке зазвенели тучи комаров, он вдруг услышал негромкий арабский говор и увидел направленные на него с кормовой части судна быстрые взгляды. А когда ночь окутала корабль непроницаемо-черным облаком, Себастьян занял оборонительную позицию в носовой части корабля и стал ждать. Оружием ему служила только трость из черного дерева. Усевшись спиной к борту, он положил ее себе на колени, а когда темнота стала совсем непроницаемой, потихоньку сменил позицию, устроившись на корточках возле прикрепленной веревками к мачте бочки с водой.

Но они не очень-то торопились. Минула уже половина ночи, когда наконец он услышал тихое шарканье босых ног по дощатой палубе. В абсолютной черноте, наполненной множеством звуков жизни болота — хорами квакающих лягушек, приглушенным жужжанием и писком насекомых, порой громким фырканием и всплеском бегемота, — Себастьяну нелегко было определить, сколько человек против него выслано. Скорчившись в темноте возле бочки с водой, он тщетно изо

всех сил напрягал зрение, вперившись в кромешный мрак перед собой, а также и слух, чтобы среди доносящихся с болот шумов уловить негромкие звуки едва слышно ступающей по палубе и приближающейся к нему смерти.

В университетах Себастьян не учился и больших высот учености не достиг, зато слыл неплохим полутяжем в команде регби, а также ловко умел подавать мяч и в прошлом сезоне, когда играл в крикет за графство Суссекс, был одним из ведущих игроков. Сейчас, конечно, ему было очень страшно, но в своей физической силе и возможностях он был совершенно уверен, и страх его не имел ничего общего с тем ужасом, когда кажется, что в животе булькает что-то теплое и маслянистое, а собственная личность превращается в трясущееся желе. Нет, его страх как раз приводил в состояние, когда каждая мышца тела напряжена и дрожит, готовая в любую секунду разрядиться взрывом мощной энергии. Сжавшись в комок в темноте ночи, Себастьян осторожно нащупал лежащую рядом с ним на палубе трость. Руки его легли на объемистый мешок, полный зеленых кокосов, составляющих в числе прочего часть палубного груза корабля. Эти орехи, наполненные молочной жидкостью, берут с собой в море как добавку к скудным запасам воды на борту. Себастьян быстро развязал мешок, достал и взвесил в руке твердый и круглый плод.

— Не такой удобный, конечно, — крикетный мяч был бы лучше, но... — пробормотал Себастьян и выпрямился во весь рост. Сделав короткий разбег, он исполнил подачу, которая называется фастбол¹, ту самую, что в прошлом году сокрушила защиту йоркширцев.

¹ *Фастбол* — прямая подача в крикете, при которой упор делается на скорость полета мяча, является наиболее распространенной подачей.